

ПОЛЯ НЕОБОЗОРИМЫЕ

Книга Анатолия Калинина «Время «Тихого Дона» — это и биография учителя, написанная учеником, и размышления читателя, постоянно возвращающегося к любимым страницам произведений Михаила Александровича Шолохова, и профессиональная полемика литератора с теми, кто, по его мнению, неполно или неточно трактует образы шолоховской прозы.

Трудно однозначно определить жанр этой книги. Одни главы — лирический дневник автора; другие — раздумья о судьбах шолоховских героев: Григория, Аксиньи, Давыдова, Нагульнова; третьи — литературоведческий, текстовый анализ, через который рефреном проходит мысль А. Калинина: «У Шолохова нет случайных деталей».

Здесь же и своеобразные репортажи о встречах с автором «Тихого Дона», и запись впечатлений, сделанная, что называется, «по горячим следам». А одна глава — это политическая отповедь, данная некоему Марцелю — западногерманскому журналисту, опубликовавшему на страницах гамбургского еженедельника «Ди цайт» клеветническую статью.

Но в какой бы форме ни писались главы, какова бы ни была их интонация — от восторжен-

ной до негодующей, — все они — слово признательности автора тому, кто научил его и науке любви, и науке ненависти. Потому что для Анатолия Калинина вся жизнь связана с именем Шолохова, с образами его произведений. Потому что без них, вероятно, и сама судьба писателя Калинина сложилась бы иначе.

Еще в детстве слышал он, как отец и мать — провинциальные учителя, вернувшись домой с диспута о «Тихом Доне», на котором выступал Михаил Александрович Шолохов, долго переговаривались.

— Подумать только, ему же еще и двадцати пяти нет! — ахала мать.

— Двадцать четыре, — уточнял отец. — Столько же, сколько было Пушкину, когда он начал «Евгения Онегина» писать.

В тринадцать лет Калинин, по его выражению, «сбожженный» первой книгой «Тихого Дона», отправился в станицу Вешенскую с надеждой увидеть хотя бы дом, «где было сотворено это чудо».

Перед войной он, будучи корреспондентом «Комсомольской правды», получив задание редакции, осмелился наконец переступить порог этого дома и встретиться с его хозяином.

А после войны, став писателем, виделся с Шолоховым на различных совещаниях, съездах, собраниях, бывал и в гостях у него. «Сразу же надо и объяснить читателю, — считает нужным оговориться Анатолий Калинин,

— что не такой-то автор этих строк частый гость в станице Вешенской, совсем не частый. Всего лишь два раза до войны и столько же после войны. Да и обязательны ли эти частые наезды, если и без того там всегда часть твоей жизни!»

Для Анатолия Калинина не только часть его жизни, но и все, что окружает писателя, ныне неразрывно связано с чувствами, мыслями и делами его великого земляка и современника.

В Ростовской области есть колхозы, носящие имя Шолохова и названия его книг. Экспресс «Тихий Дон» проходит ныне через станицу Миллерово, где протекает детство А. Калинина. В его саду растут в тени вишен ландыши, перенесенные сюда из того леса, где некогда нечаянно уснула притомившаяся Аксинья. Казаки, собравшись в ожидании паромы, начинают выяснять, кто из них и в каком родстве состоит с тем или иным шолоховским героем. Сотни людей утверждают, что они лично знакомы с Давыдовым, Нагульновым, Майданиковым, Разметновым.

О чем бы ни подумал автор, что бы он ни увидел, все рождает в нем ассоциации с шолоховской прозой.

Случайный попутчик — казак едет, развалившись на телеге, — вылитый Мелехов.

Распускаются в весенней степи тюльпаны — «цветок лазоревый», как именуют их здесь, и

вспоминается ему «лазоревая степь».

Прямо под окном своего дома видит он «перекипающее под ветром вороненой рябью стремя Дона».

Знакомый председатель колхоза, «двадцатипятилетний», чем-то неуловимо напоминает ему Нагульнова.

Обратится ли Калинин к литературе, которой посвятил свою жизнь, — и тут на память приходят ему выступления Шолохова на съездах писателей и многочисленных конференциях, вспоминаются и высказывания, произнесенные Михаилом Александровичем во время личных встреч с ним.

Размышляет ли Калинин об истории страны, о революции; коллективизации, о войне — неизбежно возвращается мыслью к шолоховским образам, к героям его книг.

Анатолий
КАЛИНИН
и Михаил
ШОЛОХОВ

«Невозможно, — пишет Анатолий Калинин, — окинуть одним взглядом и охватить всю столь насыщенную творческую жизнь Шолохова. Но, вероятно, у каждого из нас есть на необозримых полях его произведений свои позывные, на которые всегда настроено сердце. Иногда это всего лишь одна строчка. Вспыхнет в памяти и вызовет за собой, приведет в движение целый ряд картин, образов».

На необозримых полях шолоховских произведений у Анатолия Калинина сотни, а то и тысячи «своих позывных», и огромный ряд рожденных ими картин и образов составил эту книгу, являющуюся итогом сорокалетних размышлений автора о жизни и творчестве своего земляка и современника.

Евг. СЕРГЕЕВ

Владимир МИХНА,

главный редактор журнала «Советская литература» (ЧССР)

Книги Михаила Шолохова в Чехословакии

ТОРЖЕСТВО ЖИЗНИ

в своем литературном творчестве из личного опыта, из знания нелегкой жизни советской молодежи, вырвавшейся в годы защиты Октябрьской революции и усилий по нормализации положения внутри разрушенной войной и контрреволюцией страны.

Первые заметки об этом молодом писателе появляются позже, когда в бурных спорах о новых путях чешской и словацкой литературы выискиваются аргументы за и против и когда в литературе отклоняются не только методы описания, но реализм вообще, причем верх берут модернисты, особенно сюрреалисты, увлекающие за собой значительную часть авторов и критиков.

И в эти споры как гром среди ясного неба врываются романы Шолохова. Ажекритики новой советской литературы умолкают и в недоумении останавливаются перед эпопеей «Тихий Дон» и совершенно умолкают после издания романа «Поднятая целина». Ссылки на Льва Николаевича Толстого как на пример, которому следовал Шолохов, на самом деле становятся констатацией его мастерства рассказчика. И это уже не только защита реализма, речь идет о большем — о признании социалистического реализма как творческого метода. Таким образом, творчество Шолохова сыграло в Чехословакии роль столь необходимого веского аргумента, перед которым позиция противников реализма рассыпалась как картонный домик.

Первая книга романа «Тихий Дон» была опубликована в одном из журналов в 1927 году, в переводе на чешский язык Вла-

стимила Борека она выходит в 1930 году. Позже, когда издательство «Сфинкс» решает приступить к изданию серии «Книги новой России», три книги этого романа выходят в 1935 году. В начале вокруг романа возникают бурные дискуссии, а в период, когда в Советском Союзе выходит первая часть романа «Поднятая целина» (1932 г.), прогрессивная партия, представляемая виднейшими литературными критиками в Чехословакии — Бедржихом Вацлавиком, Куртом Конрадом, Ф. Ц. Вайскопфом, Богумилом Матезиусом, Юлиусом Доланским и другими, — приступает к изданию произведений Шолохова. Роман «Поднятая целина» выходит на чешском языке в переводе Богумила Матезиуса уже спустя год после его выхода в свет в Советском Союзе, а в следующем году чешский читатель знакомится с этим произведением и в переводе Франтишека Пишека. В 1935 году выходит перевод рассказов М. А. Шолохова, с которыми чешские читатели могли познакомиться в журналах еще в конце 20-х годов. Название книги избрано по названию одного из рассказов — «Лазоревая степь».

Так Михаил Шолохов сразу же после Максима Горького становится в Чехословакии одним из самых популярных советских писателей. Его творчество помогает разоблачать ложь о духовном упадке советского общества, подтверждает правильность культурно-политической линии Коммунистической партии Чехословакии, способствует укреплению связей с Советским Союзом.

Произведения М. А. Шолохова издаются в Чехослова-

ки постоянно. К настоящему времени у «Тихого Дона» 12, а у первой части романа «Поднятая целина» — даже 16 изданий.

Значительное влияние творчества Шолохова на развитие литературы в Чехословакии отмечается и после второй мировой войны.

Как только в Чехословакии, освобожденной Советской Армией, восстанавливается работа издательства, в их рабочих планах сразу же появляются произведения М. А. Шолохова. Писатель своим новым творчеством помогает чехословацким читателям познать всю глубину начального трагического этапа войны советского народа против гитлеровского фашизма. В первые дни мира несколько раз изданный в Чехословакии в переводе Иржи Тауфера рассказ «Наука ненависти», спустя некоторое время перевод публицистических статей «Слово о Родине», а в 50 — 60-х годах — рассказ «Судьба человека» и роман «Они сражались за Родину» — это кульминация триумфа Шолохова в Чехословакии.

Все, что этот автор создает, немедленно переводится и издается. По пути Шолохова, по пути социалистического реализма идут все новые и новые чешские и словацкие писатели. Большинство из них не скрывает, что школой для них было прежде всего творчество Максима Горького и Михаила Шолохова.

Величайшее влияние творчества М. А. Шолохова на чешских и словацких читателей и писателей вытекает из его основной черты — раскрытия внутренней жи-

ни отдельного человека как составной части судьбы общества и утверждения борьбы за новый мир как борьбы за новые отношения между человеком и обществом. Все произведения М. А. Шолохова, в сущности, трагические, так как в них эта борьба ведется в самых напряженных жизненных ситуациях, требующих от людей величайших жертв, но все они в конечном счете — о торжестве жизни.

Чехословацкий читатель знает, однако, Михаила Шолохова не только как автора известных литературных произведений. Он знает его и как члена Центрального Комитета Коммунистической партии Советского Союза и депутата Верховного Совета СССР и внимательно следит за каждым его выступлением по вопросам литературы, искусства и культуры на заседаниях этих высших органов. Ему известна и деятельность М. А. Шолохова во Всемирном Совете Мира.

Когда, направляясь в Соединенные Штаты Америки в 1958 году, М. А. Шолохов остановился в Праге, его пригласили на ряд бесед, касавшихся назначения литературы в современном мире. Тогда, без какого бы то ни было менторства, он объяснил свою позицию. Его острый полемический тон, направленный против возрождения модернистских течений и против любого преуменьшения общественной роли литературы, навсегда остался в памяти участников этих бесед.

Михаил Александрович Шолохов, борец за самое гуманное, свободное развитие каждого человека, был удостоен за свою литературную и общественную деятельность высших наград на своей Родине и в мире. Но самая ценная, высшая награда его — любовь читателей, прогрессивных людей во всем мире.

(ОБИС — АПН — специально для «Литературной России»)

Книги Михаила Шолохова читают весь мир, люди на всех континентах планеты обращаются к его творчеству. Уже вскоре после того, как в январе — октябре 1932 года журнал «Новый мир» опубликовал «Поднятую целину», роман вышел на немецком (летом 1933 года), на французском языке (в конце 1933 года), в Японии и Чехословакии, в Польше, а в 1936 году — в Болгарии, Испании, Китае, Норвегии, Голландии, Турции, Финляндии и Югославии. После окончания второй мировой войны интерес к творчеству Шолохова с огромной силой проявился в странах Европы, Азии и Америки. В Японии, например, тираж «Тихого Дона» и «Поднятой целины» (каждого романа в отдельности) перевалил к 1965 году за один миллион экземпляров. Всего на иностранных языках произведения М. А. Шолохова вышло 136 раз тиражом 2 миллиона 799 тысяч экземпляров.

В социалистических странах произведения Шолохова стали поистине настоящими книгами. Достаточно сказать, что в ГДР тираж «Поднятой целины» достиг 550 000 экземпляров, около полумиллиона экземпляров в Польше.

Сегодня мы публикуем статью главного редактора выходящего в Чехословакии журнала «Советская литература» Владимира Михны, который рассказывает о влиянии творчества крупнейшего советского писателя на литературу и читателей его страны.

МОЖЕТ БЫТЬ, некоторые знатоки творчества Михаила Шолохова не осознают того, насколько глубокий след оставил этот писатель в развитии чешской и словацкой литературы и в развитии взглядов на ее общественное назначение.

Когда в 20-х годах чешская печать опубликовала первые рассказы Шолохова, чешская критика отметила, что в Советской России появился новый интересный писатель. Но едва ли кто-нибудь тогда знал, что речь идет о 20-летнем юноше, исходящем